

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

В

И

А

И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

А Л Ь М А Н А Х

Ш А Р О Д А З В Е З Д Ы

ВЫП. 34. ОКСАНА КОЗЛОВА

ОЛЕЧКА

ОЛИВИЯ

ОЛЬГА КРАШЕНКО

(СТИХИ, РАССКАЗЫ)

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 34.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2013;

а также авторы журнала:

Оксана Козлова
Олечка
Оливия
Ольга Крашенко
стихи, рассказы

Algidus
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Оксана Козлова

* * *

И страшно не то, что летят обожжённые листья,
И даже не то, что нас медленно сводят с ума,
Лишая не слов, а какого-то «высшего смысла»,
А то, что сегодняшней ночью случится зима.

И скучно искать по домам непрочтённую повесть,
И страшно ходить в одиночку и быть ни при чём.
Вы знаете, будет зима? (Вот уж тоже мне новость!)
Ну будет — и будет. И к стенке прижалась плечом:

Не плачу — тебя вспоминаю. Так пусто и просто.
Сказать бы — легко, но ведь я не сумею солгать.
Раскинута в городе улиц холодная простынь,
И тени домов тяжелее камней — не поднять.

Не вынести, слышишь? Не выплакать, не оторваться.
Не выйдет. Не будет. Никто никогда не придёт.
Когда ты меня отдавал с половиною царства,
Я думала, боль не ко мне, а к тебе прирастёт...

И страшно — нельзя умереть от усталости лета,
И память нельзя научить забывать имена.
Мне страшно — ты слышишь — мне страшно! Но дело не в этом.
А в том, что сегодняшней ночью случится зима.

Гнечка

* * *

Бегущий куда-то город
Захватывает в свою суету
И переполненное метро
Так разнообразно весной
Цветут все как на подбор
Цветы на клумбе опять
И ходят мимо люди,
Не зная, как летать.

* * *

В молоко насыпали дорожной пыли. И окрасили в этот цвет небо. Скелеты деревьев и кустов впали в кому. Дико смотрится среди всего этого та самая, которая всегда одним цветом. Она знает секрет вечной юности?

Последний день осени. Он размазался, растёкся грязным, загазованным вздохом, вылетевшим из-под рваных крыльев залётного облака. Оно, похожее на поросёнка, — мимо. Должно быть, и не прочь остановиться, но ветербож хватает за шиворот и тащит куда-то мою свинку с виновато-грустными глазами.

Я покрыта толстым слоем шершавого льда. Рот — полынья. Из него так и рвутся наружу острое слово или жгучий вздох, словно опшётки магмы. Ведь внутри вулкан. И лава плещется, как стайка золотых рыбок-пираний.

Какая-то психованная белочка забралась в мой висок и, кажется, пытается колоть там орехи.

Пепел в глазах — это стиль жизни. И непонятно: то ли он остался после того, как во мне сгорело что-то (не помню что), то ли это знак принадлежности к тем людям, которые говорят, что жизнь — неизлечимая болезнь с летальным исходом. Иногда приходится принимать Право на свободу с условием достижения успеха.

* * *

Внешние карты пугают вешних людей, до упаду летающих в огненном небе серебристых тарелок, в зимнем саду неоновой романтики, криком вскрикивают лёгкие птичьи гомоны, гормоны не дают спокойно спать гулякам до утра. Забываешь о зебрах, крокодилах, смотришь их телевизор, этот ящик заблуждений, пестрящих полосками ярких заголовков. Жар-птица приносит спокойствие с неба грёз, мечт, желаний, опушённых розовым ободком глаз. Глядят лёгкие пташки снизу в высоко лежащие воды скрипучей лампы, синего солнечного утра.

Воспоминание о мгновении

Осенний листок кружился и падал...

Это был традиционно кленовый листок. И так же банально, как и всегда, убийственное Солнце окрасило его труп в красно-жёлто-зелёный цвет. Может быть, изначально на его теле был нанесён идеально симметричный геометрический рисунок. Но теперь, когда краски смазались, смешались, он был похож на бесформенный комок окровавленной плоти, костей и жил. Надо думать, упасть с такой высоты, что с вами-то было бы?

Осенний листок кружился и падал...

А сверху на него смотрело пронзительно голубое небо. Наверное, оно сошло с ума, иначе чем объяснить его бесконечность и странную холодность?

Осенний листок кружился и падал...

Солнце, уже засыпающее, остывающее, всё ещё безуспешно пыталось извергнуть последнее тепло, соскрести со дна сгущённый, концентрированно яркий свет. Только свет. Даже электрическая лампочка и то согревает несколько сантиметров окружающего воздуха. А тут только свет и больше ничего. Чувствуешь себя обманутой.

Осенний листок кружился и падал...

Прислоняюсь лбом и ладонями к стеклу изо льда. Холодно. Стекло — двойное, прозрачное. Оно показывает всё без искажений. (Хоть здесь правда.) И так это замечательно — увидеть мир без выпуклых и вогнутых линз. Настоящим. Даже теплее становится от осознания — я, мир, осень, холод, свет, небо. Это тепло медленно поднимается от коленок к сердцу и отходит, оставляя лёгкое чувство горечи, тоски по ушедшим мгновениям.

Осенний листок кружился и падал...

* * *

В поле ромашки,
В поле война,
Не та, что раньше
Нас захватила,
А та, что после
Будет у нас.
Звёзды выросли, как грибы,
Освещая дорогу в рай.
Путники будут идти по ним,
Не всегда попадая в цель.

Инстинкты самосохранения

Инстинкты самосохранения позволяют выжить. Позволяют. Разрешают. Кидают подачку. Что же это за инстинкты такие?!. Хищные, наверное, а глаза — жёлтые, тигриные (джунгли всё-таки). Нервно лупят хвостом: вправо-влево. Вот окружают, сходятся (вправо-влево). И глаза жёлтые. Страшно, конечно, но жить хочется. Парадокс, казалось бы, ради чего, ан нет, живёшь, цепляешься, ломаешь ногти о жёсткий стальной стержень колеса Судьбы, абсолютно гладкий.

Мягко, сладко, надёжно — фу! Аж противно!

Но как же хочется, хочется, хочется...

Чего? А какая разница. Главное — убийственное желание, роковое прямо-таки. Да, всё, можно, нежно, стать, ровно, встать без скрипа! Так.

Очень замечательно смотрится такая сумрачная, сумеречная тоска. По одиноким дням, людям. По вещам убитого монаха. (И почему их так часто убивают?! Чё, пацифизм, блин?! Да не похоже...)

Скользко, блестяще, гладко, свежо, мокро, улыбаешься... а-а-а! Падаю! В колодцы твоих тёмных (тигриных) глаз! Согласна упасть, разбиться, разметаться, раскрошить кости, кожу клочьями...

Серебро надоело, золото тем более.

А что платина? Она — холодная.

* * *

Куда уходят наши следы, светящиеся в вечности? Разве не хотят они прицепиться левым крылом к верхнему кольцу некольцованного красками пузыря. Лучшие грёзы неистовых звёзд исчезают с появлением злобного жала прекрасной мысли. Ублюдки мешают расправить складки лижущего шею водопада желаний. Скучная сказка отбивает голову металлическим огрызком проволоки. Вылезает из подвала хорошенький такой микроб-бактерия. Он думает. Знает? Смысл своего существования. Вряд ли. Да и зачем ему это. Нафиг не нужно!

Правда. Свобода? Лажа. Снежком скатывается в желудок ком в горле. Смежаю скрежещущие ставни зеркального озера...

Повторяю, повторяю, повторяю...

Мне понравилось слово «эхоламия». Повторяю его уже полчаса, никак не могу остановиться. Пишу, слышу, шиплю, брызгаю соляной кислотой! А-а-а-ах! По коже побежали, залазили, заворочались мурашки. Они такие раскормленные, отяжелевшие, что еле двигаются, сволочи. Ловлю ртом руки и заглатываю их, потом надкусываю шею (сладковатый вкус) и, наконец, заглатываю всю голову твою.

Моё красное солнце

Летят красные точки в темноте. Иногда — вспыхивают ярко-жёлтым светом. Иногда — потухают, становятся пепельно-оранжевыми. Одна из них — моё красное солнце. Я живу им, я молюсь ему, я готова убить его или сама умереть за его существование.

А самое смешное, что я не могу поверить в то, что все солнца одинаковые... И моё не лучше и не хуже других. Ну, может, чуть поярче. А так — точка, просто красная точка на чёрной ткани желудка вселенной.

* * *

Незавоёванное солнце светит ярче.

Непокорённые люди смотрят более открыто в глаза друг другу. Я поднимаюсь с колен и иду навстречу ветру. И если я не выстою, опущу голову, — ничего не случится. Просто солнце станет чуть-чуть тусклым, или, может быть, на нём появится пятно. Совсем маленькое, почти незаметное, но со временем оно разрастётся...

Нет, всё-таки сильно меня глушит по весне и в полнолуние! Я поняла: полнолуние — это маленькая весна, сконцентрированная до пределов ночи. И напряжение её тоже сжалось, сгруппировалось — вот-вот выстрелит обжигающим лазером лунного света. Неправда, что луна только светит. Её лучи вовсе не холодные, они ласкают, греют (именно греют, а не испепеляют, как предательское солнце).

Ожидание

Я скучаю по тебе. Пусть при твоём появлении в моей жизни в голове пронесётся ветер, и мысли ползут куда-то в небо. Пусть всё остальное перестаёт меня интересовать. Пусть ты крутишь мои мозги, а потом неумолимо уходишь и забываешь обо мне. «Только не уходи!» — кричу я тебе. А ты не слышишь, всё так же улыбаешься, смотришь на меня сверху вниз и ни о чём не думаешь. Здорово это — никакой ответственности?..

Когда ты оставляешь меня, не хочется жить. Наступает полное безразличие ко всему, апатия наступает. Слезы каплют в такт дождю за окном.

Но всё же ты даёшь мне силы каждый день снова и снова поднимать веки, только ради тебя. Ты согреваешь меня своим теплом, заряжаешь мои внутренние батарейки. Я так люблю тебя, что при мысли о твоём свете он меркнет в моих глазах. При твоём приближении сердце начинает стучать быстро-быстро, руки дрожат, и перед глазами плывёт туман.

Ревность? Нет, я не ревную к другим, я даже готова разделить тебя с ними.

Что-то будет дальше? Как мне выжить одной в холодном городе, дожидаться тебя?

Я так скучаю по тебе, *Лето...*

* * *

Пустая квартира.
Разбавленный кофе
разлит на столе —
не дождалась тебя.

* * *

Пустыня души.
Ни капли воды.
Лишь ветер чужой
песок шевелит.

* * *

Расстреляли птиц злые люди, нелюди. Раскидали перья да рассыпали. Не лететь теперь в даль сиреневую, не встречать закат, не прощать восход. Больной болью вгрызается в грудь иголками, давит голову, сиять можно не всегда, так сказал он — петушиный король людского карнавала, крики вспыхивают и разлетаются убитыми танцами. Спицами проткни мою голову, выкачай дурные мысли шприцами, возьми мою руку, согрей дыханием, иди за мной, не спрашивай, не думай, как ты можешь быть болью, страхом, голодом, холодом покрывает душу, голосом не молчи, послушай, волосы расчеши мои своими пальцами и умри со мной за компанию.

Так хотела, горела, думала. Развязала-дунула, сгинула, спрыгнула с обрыва нити сознания, всезнание знает, зачем ты живёшь, а ты — знаешь?.. Теперь я думаю, но ничего не делаю, так плохо голове моей по осени, по жалкой осени, сопливой осени, взрывают голову чужие мысли мне слезливо, добро, мокро, сыро, блестяще, домой через бой часов, через.

«Больно твоё отсутствие весной...», а также летом, осенью и зимой. Мне нужно на кого-нибудь молиться.

Дай мне руку и душу, только не сердце — зачем мне чужой орган? А вот душа твоя, она если красивая, то буду любоваться, всем хвастать, поставлю на видное место! Ну, а если не так чтобы очень, тогда будет авангардным украшением моего скромного домика. Подчеркнёт мою необычность, нестандартность.

Сладкие соки прощания

Она получила своё отстранение. Его взгляд и голос — жёстче, слова — царапины на стекле. Компромисс невозможен. Победа протеста в ряде струн — реакция на деформацию. Себя изломать, ой, больно!

Скрытые силы: внутренние, мысленные.

Услышаны. Улыбаются гвоздиками. Извергаются вулканами.

В яркие лунные ночи болеть его запахом. Седая, пыльная луна искривляется изнывающим контуром.

Влажный. Блестящий. Синий лёд. Жутким холодом. Свистящие полосы. Толстый лёд. Укрыли холодом.

Несмелый свет.

В дыму мечется. Вспышка разума. Гибкими, острыми. Захлёбываясь мыслями: ключи от завтрашнего дня потеряны в потёмках прошлого.

Сладкие сны прощания. Изнурительно сверлят душу. Сминают грудную клетку. И боль переливами белого цвета.

Попалась в ловушку окон. Мечется в дыму — вибрация сердца. Скачками. Зигзагами. Убегает. От себя. От него.

Никогда не ври. Нервы красные. Вскриком, всполохом. Непривычным дрожащим румянцем. Чёрствый огонь на двоих. Спиралью закипающий. Зловонье вчерашнего смеха. Протухшего. Потухшего.

Всё. Затихла. Накрыта. Тёплым чёрным шёлком. Нега полузабытья провоцирует потерю жажды. Обладания.

Хлопает крыльями. Мягкая, приветливая, искристая. Свобода. От него. От себя.

Закрыв глаза, она видит. Световые иллюзии. Вдохновляющие токи. Замирают и рвутся. Позванивают. Впереди — бесконечность.

Искривлённые. Яркие фрагменты. Алмаза стократного. Будущего совершенства.

* * *

Тает на руках вересковый мёд липовых аллей. Снегом занесённые аллеи пустуют сейчас. Ну и пусть! Всё равно завтра сюда придут люди и разрушат бьющееся стекло сиреневого дыма. Яркие звёздные холсты укутывают в метель Млечный путь, Косолапу с дочкой и Вероникины патлы...

Сижу в онемевшем лесу, считаю хрустнувшие ветки. Десять воздушных акробатов спустились с неба в воду пруда. Огненной воды. Смелые стрелы юного нахала — мимо?! Гамма застывших цветов обсыпает пылью пальцы, пчёлы вьются около круга.

Синие смелые стрелы сели на свитые светлые гнездища. Катится мощь издержанного водопада. Иди и слушай весь охровый сок индокитайской лозы осиротевшего винограда.

Спектральный водопад идёт на гору стона там, где я здесь и сейчас знаю. Будет всё: и вереницы диких шагов, и стайки необузданных взглядов вперемешку с осторожным ликованием разбуженного сердца. Стой! Ты! Знаешь! (Что именно? Не знаю...) Как? И ты тоже? Странно, вроде, вчера обо всём договорились... Или это было завтра? Да ладно, всё-таки я злобная кокетка с нежным взглядом. Идите вы все в... или на... или ещё куда-нибудь!!! Что называется «Ой-ё!» Да уж...!!! Мяу!!!!

Мало мне восклицательных знаков, надо придумать новый знак: возбуждение.

Напр., такой: или или или ...

* * *

Я руки ломаю, ноги. Голосом петть снова всегда. Держаться друга навечно. Стечением в ремени, ремнями ласкать. Ла скала. Веть, ведь, ночь уходит, ухоженные губы. Сливать мой страх, по бутылкам разливать. Внимание! Без подделок! Чистейший ужас, высшего качества. Качает что-то. Наверное, самоубийство. На верное. Слово молва гаркнет. Прогорклое масло вкусней — ей! У таких мук, должно быть, чёрное семя и белые глаза совести. Страсти, снасти, скорости, коростель коростой — блевотная картинка — пАстельная. Восковой цвет — мутный, свеча самовозгорелась, ревелась, рэгтей в истерике верещала (нет, это — авангард) тонкая подделка, подбезделка. Везде ткани. Куда ни ткни. Ключи! Зеркало самоузнавания в кривом зеркале правды! Носом! Не проснись! Не прости! Прощаться рано, слишком ровно, мучительно подгнили временные отрезки на платье. Из времени. Извращения брани высокообразительной. Поразительно. Нет, пАразительно выгляжу. Ну и пусть. Тихонько выделяется желудочный сок, проскальзывает в щербатые клыки, и — с высокого Собора Парижской Ей-богу Матери. Тьфу! Вот оно здесь — всё презрение, отвращение, невозвращение к ступеням. Выше! Вглубь!

ГЛУБИНА

* * *

А ведь была я рыцарем когда-то,
Неслась уверенно по полю я в седле,
Скрывалась от преследования утром,
А в ночь сама гнала врага к черте.

Вонзая острые наточенные шпоры
Своей несчастной лошади в бока,
Летела в гущу боли и страданий,
Где крестоносцы жизнь теряют не спеша.

И вновь земля напьётся алой крови,
Глотнёт её с избытком, как всегда.
И, обессиленные, мы вернёмся
Туда, где ждёт тебя семья.

Но дома, крыши или кровля
Не вижу вовсе для себя,
Как не имею я семьи по крови,
Что беспокоится и плачет за меня.

Что же такое слово «дом»?
Нет, не строение из камня или древа,
А состояние души твоей
В кругу друзей во время тихого напева.

Но жизнь меняется, забыв спросить тебя,
И вынуждены мы скитаться вечно,
Не находя ни счастья, ни сна,
А значит, дом покинул нас навечно.

* * *

Мы стоим на мосту,
Ветер дует в лицо.
Сломан меч, он лежит
На другом берегу.
Я жива, не умру,
Не дождутся враги,
Но мой спутник в крови
И устало хрипит.

Не позволю я им
Отобрать у меня
Ты, чьё сердце хранит
Беспокойство огня,
Ты, что душу вложила
И силы в меня,
Вам придётся сразиться со мной,
Господа!

Я добыча нелёгкая,
И без меча,
Вас одолею
Без большого труда.
Ты, подруга, держись
И помни всегда,
Что не оставит тебя эта жизнь.

Ты сама учила сражаться меня,
Не волнуйся, не тронут подонки тебя,
Я им шеи сверну, я проткну их насквозь,
Только крепко держись
Всем, чем можешь, за жизнь.

Твои губы синеют,
Ты всем телом дрожишь,
Мокрый снег хлещет щёки,
Ты падаешь вниз.
Мы одни против мира,
Я поймала тебя,
Ты не дышишь совсем,
Против всех только я.

Ольга Крашенко

(СТИХИ, РАССКАЗЫ)

8 строчек

Есть что-то в прохладе дневной,
Когда расстаёшься с друзьями.
И ветер зовёт за собой
Дорогу найти из печали.

Грустишь напролёт дни и ночи...
Дорогу найти потрудись!
Так мало! Всего 8 строчек,
А как будто целая жизнь.

**Ашел,
или
Приключения человека-абсурда**

В поле

Ашел долго стоял посреди поля. Перед ним была ПЕРЕВЁРНУТАЯ ФОРМА. Она не устраивала его — не устраивало как само наличие формы, так и то, что кто-то до него сумел её перевернуть.

Ашел закрыл и открыл глаза. ПЕРЕВТНУТАЯ ФОРМА ОСТАЛАСЬ НЕИЗМЕННОЙ.

Вздохнув, он лёг посреди поля. Его последние слова были: «Душа... душа... душа...»

Дерево

Сначала это было просто дерево. Но вблизи оказалось, что это человек, держащий ветки.

— Кто ты такой? — спросил Ашел.

Он что-то прошелестел в ответ.

— Ты живой?

— Меня весна измазала зелёной, — осмелился, наконец, произнести человек.

— Но ты и так болен, это же видно! А ну-ка, покажи своё лицо!

— Аи!

Немая сцена. Сломанные ветки, порванные штаны, лицо не обнаружено.

— Так ты же...

Пауза затянулась. Медленный приход в себя. Это было всего лишь дерево...

Небо

Ашел никак не мог понять, где у него расположено тело. Он искал его сверху, снизу, справа, слева... и не находил.

— Но у меня должно быть тело, в конце-то концов! — возмущался Ашел.

Внезапно он поднял голову вверх и увидел чистую, прозрачную плёнку неба, обволакивающую облако. И его осенило... Да, именно так. Ашел был в своём роде единственным существом, у которого душа находилась снаружи, а тело — внутри...

Земля

Ашел лежал на холодной земле, ещё влажной от лужи крови. Он чувствовал в себе СПОСОБНОСТЬ.

— Я ещё вижу красоту мира, — пытался сказать он. Ашел ощущал... СПОСОБНОСТЬ окутала его с ног до головы. Он СПОСОБЕН! СПОСОБЕН ВСТАТЬ... И УМЕРЕТЬ...

Ашел продолжал неподвижно лежать на холодной земле. В засохшей крови отражалась красота мира...

Кусочек себя

С одной стороны, с другой стороны, с третьей... Ашел оглядел себя. Это был не он! Какая-то скульптура... без рук, без ног, без головы, старая развалина...

Я! Ашел усомнился в том, что это был его голос. Похоже на запись... запись с того света... А разве это было? Разве ЧТО-ТО было?

Разве... что-то... должно... было... быть... медленное падение, скульптура рассыпалась... и в каждом кусочке... я... я... я...

Время

Время летело. Ашел молча подвинулся. Он слышал, как скачут его мысли, обгоняя друг друга, как раздаётся топот их копыт, изредка прерываемый ржанием... Он видел, как вокруг него поднимаются тучи пыли...

ПОЗНАНИЕ МИРА СТАРО!

Человек-никто

Свершилось! Свершилось! — Ашел обнимал результат. От радости он прыгал на одной, двух, трёх... на всех ногах человечества, вдыхая в себя одновременно городской, песчаный и морской воздух. Его переполняла дикая энергия зверя.

— Свершилось! Свершилось! — Ашел обнимал себя. ОН БЫЛ СОЗДАН!

РОЖДЕНИЕ ПРОИЗОШЛО!

Ашел ни о чём не спрашивал, ни о чём не думал! — у него ещё не было способностей говорить и мыслить. Он радовался...

ОН БУДЕТ ПРОСТО СУЩЕСТВОВАТЬ НА СВЕТЕ! Он — больше чем человек. Он — человек-никто...

Земное счастье

— Скажи мне, Ашел, что ты хочешь в этом мире?

— Я... — Ашел задумался, — могу ли я говорить об этом? Сказанное слово вторично, это уже другая жизнь. Я хочу... туда, где ещё не ступали мысли человека... соединить себя с миром, жаждать совершенства и достигать его... сказать СВОЁ слово, протоптать дорожку из СВОИХ мыслей... я...

— Ашел, ты открыл мне свою душу?

— Я... я пытался быть искренним, ответить так, как велит мне внутреннее чувство.

— Но ты не знаешь, что ты хочешь?

— Я... — Ашел не удержался и заплакал. Он не мог сказать... Чистые, прозрачные слёзы легли на плодородную землю...

Прошло время, и на этой земле вместе с очарованием зелёной травы заблагоухали дивные цветы — дети природы. Ашел наклонился к ним, покорённый их красотой, и будто услышал эхо, сохранившееся внутри корней: «Ашел, так что ты хочешь в этом мире?»

— Я... я не могу ответить на этот вопрос. Может, я дурак, но я... счастлив, — и он снова заплакал нескончаемыми слезами радости и умиления. Ашел передёрнулся. Рядом село ИСКУССТВО. После рукопожатия Ашел внимательно оглядел его и понял, что ИСКУССТВО... затягивает, словно водоворот, с неистовой силой! Ашел почувствовал, что проникает внутрь НЕВЕДОМОГО и, кажется, он уже... растворился, трансформировался, обрёл ЗНАЧИМОСТЬ...

АШЕЛ СТАЛ ИСКУССТВОМ!

И многие предпочли умереть за него, отдав ему свои души...

Ашел повернулся. Табун мыслей заскакал слишком быстро? Заполонивший всё вокруг густой слой пыли заставил прокашляться.

А в небе по-прежнему летела старая птица-время, и ничего нового не возникало перед её взором.

Пространство

Стремиться вдаль, стремиться туда, где ещё можно найти совершенство, одним движением, одним взмахом руки покорить этот свет, встать над недостижимыми целями, свергнуть с престола труп, это не земля — это маленький глобус, который я вращаю вправо и влево, закричать от дикой радости и воплями затмить всю существующую музыку — она не даёт такого эффекта, сделать что-нибудь, просто сделать что-нибудь в этом пространстве, найти последнюю точку в многоточии, расширить диапазон образов, сформировать свой собственный вкус... Вкус?

Ашел выплюнул кислую конфету. Да, он ощущает пространство, но он... ещё не готов... ещё не готов...

Мир Ашела

Ашел находился в неопределённом состоянии души и то ли стоял, то ли сидел, то ли лежал — он сам понять не мог.

Мир пребывал в хаосе.

Минуту спустя Ашел ударил рукой по рядом расположенному предмету, желая хоть как-то привести себя в чувство.

Мир содрогнулся.

Резкая боль в руке передалась по всему телу. Ашел почувствовал, что он всё-таки есть, но... Он ничего не мог сделать...

Мировая безысходность.

Ашела сомкнули стены! Раздавили как последнюю мошку. Всё оказалось слишком просто. Теперь его не стало...

Мировая скорбь.

Ашел потерял свой мир...

Взгляд невидящих глаз

Ты вертишь в руках хлеб —
Не знаешь, белый или чёрный.
Твой бледный мёртвый цвет
Лица — его ничто не скроет.

Кто прав, кто виноват...
Как надоело вечно спорить!
Оглянешься назад —
Зарежут непременно в ссоре.

Кто против, а кто за...
Не разобрался, воздержался
И ниже опустил глаза...
Чтоб не смотреть, где оказался.

Волшебная ночь

Зажглись ночные фонари,
И вспыхнуло в душе желанье
Обнять всё небо, звёзды, мир!
Как после долгого прощанья.

И любоваться красотой,
Магическим, хрустальным светом!
По звёздам, словно по следам,
Найдёшь дорогу ты к рассвету.

Но там исчезнет красота,
Как исчезает в жизни счастье.
Но знаешь ты — не навсегда,
С рассветом звёзды только гаснут.

Воплощение жестокости жизни

Невидимка, ты толкаешь вперёд.
Ты не знаешь, что во тьме меня ждёт.
Слышен топот в чьих-то быстрых ногах.
Ты спокоен, но не скроешь свой страх.

Избивают. Бьют опять вновь и вновь.
Убивают. Проливается кровь.
Я страдаю. Слезы лью, как в кино.
Умираю... А тебе всё равно!

Как туман, всё вокруг неизвестно.
Ты поёшь мне прощальную песню.
Но ты трус! И боишься ловушки.
Я умру... Но и ты жить не будешь!

Пистолет. Им стреляй, не стреляй —
Всё равно... ты умрёшь, так и знай.
Вот щелчок — ты попался в капкан.
ДОИГРАЛСЯ, НЕСЧАСТНЫЙ ПАЦАН!

Если

Если теряешь мысль — не продолжаешь дальше.

Если теряешь смысл — не замечаешь фальши.

Если теряешь разум — то не поможет везенье.

Если сорвалась фраза — то на пределе терпенье.

Если ты скажешь: «Устал», — лучшее оправдание.

Если ты спорить стал — то большее наказание.

Если играешь в игру — то не найдёшь справедливость.

Если отдали под суд — то не надейся на милость.

Если могло так случиться — были причины, наверно.

Если не знаешь, что ищешь — то не найдёшь ответ верный.

От истины, как от собаки — в страхе, в бреду убегаешь.

Боль в голове, лихорадка — обморок... всё теряешь...

Жизнь

Изорванная в клочья,
Избитая до крови,
Зарезанная в корень,
Отобранная в ссоре,

Изжёванная пастью
Со всей животной страстью,
Оплёванная грязью
Как можно безобразней,

Затоптанная в лужах,
Молящая: «Убейте!»,
Гниющая на стуже
И ищущая смерти.

Копия земной жизни

— Да-да, это именно та фотография!

Шум приближающихся шагов. Это пришли за мной.

— Не трогай её! Не трогай её! — раздаются приглушённые крики.

— Эту фотографию я надеялась найти всю жизнь! И теперь она передо мной! Теперь я вижу...

Стук в дверь. Ещё стук. Сильней и сильней. Моё сердце стало биться чаще. Биться о дверь.

— Не смотри на эту фотографию, не смотри!

— Я вижу... но что это? Я считала его своим другом. А это кто? Неужели я? Ах, это ужасно, ужасно! Я... не...

Дверь уже сломана. Вбегают в комнату.

— Ольга, ты где?

Внезапно все останавливаются.

— Всё кончено. Мы опоздали.

На полу лежало распостёртое тело...

Откуда берутся дети? Многие родители, отвечая на этот вопрос, говорят, что нашли в капусте или принёс аист. Мне же сказали, что выбрали по фотографии. И это была правда. Длинное здание, в которое они заходили, называлось «Галереей роддома». Там можно было среди множества фотографий выбрать наиболее понравившуюся и воплотить в жизнь, что они и сделали. Зачем? Не знаю. Но саму фотографию показывать отказались.

Я всегда хотела знать, что изображено на этой фотографии, хотела увидеть, но была не в силах сделать что-либо. Родившись от природы честным и послушным ребёнком, я и не пыталась искать её при отсутствии родителей. Пока она мне не попала сама.

Это был дождливый осенний вечер, один из серых вечеров, когда бывает особенно скучно. Я сидела у окна и смотрела, как по стеклу стекают капли. Появляясь из ниоткуда, большие и полные воды, они опускаются всё ниже и ниже, становятся всё меньше и меньше... и, наконец, исчезают. Как они похожи на людей! Я вижу, что на окне остался след... след в истории? Да нет, при первых лучах солнца он высохнет... А потом какая-нибудь тряпка, пропитанная ядом, сотрёт с лица земли последнюю надежду. Но всё равно каждый думает, что после себя он что-то оставляет в жизни. Всё забудется в новом свете... Скорей бы настало утро.

Может, стоит записать эти мысли? Старая тетрадка кончилась, я пошла доставать новую. Открыла шкаф, отодвинула книги, но вместо тетрадки обнаружила альбом с фотографиями. Мурашки пробежали по телу, мне стало холодно. Я не хотела ничего брать, но руки сами, словно под гипнозом, ухватились за альбом и открыли первую страницу. Первую? Нет, это была перевёрнутая последняя страница. И это была та фотография...

Я не могла поверить, я увидела её! Фотография состояла из слоёв моей жизни, наложенных друг на друга. И в них раскрылось моё будущее.

В своё время у меня был друг по имени Вадик. Все его называли водителем. Оказалось, что на самом деле машины у него нет, водительских прав тоже, а кличка была такая из-за того, что он постоянно водил людей за нос. И меня в том числе. А я-то верила!

На фотографии я увидела свою смерть и, как можно догадаться, он был главным предателем и соучастником преступления, он погубил меня. Я увидела это — это было равнозначно смерти, в этом мире жизнь моя кончилась. Я опять вернулась к началу — воплотилась в фотографию. Буду ждать, пока кто-нибудь из других родителей не выберет меня. На земле осталось лишь распростёртое тело...

Но теперь я задумалась.

Значит, родители по фотографии могут видеть будущую жизнь ребёнка. Но если они видели, чем я кончу, то зачем воплотили меня в жизнь? Кто я такая, чтобы вообще иметь право на рождение? Для чего они решили произвести меня? Чтобы я их мучила, терзала? Чтобы я потом умерла таким бесчестным образом? Хорошо, что я увидела эту фотографию заранее, это была лучшая смерть. Зная, что на свои вопросы я не в состоянии ответить, я стала думать о другом — о своих копиях. Ни для кого не секрет, что фотографии можно перепечатывать и распространять. Я знаю, что в мире живёт ещё несколько моих копий, которые кончают так же. Их тоже выбирали по фотографии, но они очень далеко от меня. Копии земной жизни. И я тоже копия.

Но что я за копия?

Копия, которой недолго существовать осталось (именно существовать, а не жить). Я это чувствую. Длинная душная комната со слабым освещением, протянувшаяся до бесконечности, плохо сделанные деревянные скамейки, на которых в ряд разложены вместе со мной другие фотографии, проходящие мимо люди, — всё это вызывало у меня тошноту. Часы отсчитывали минуты.

В какой-то момент ко мне подошли мать с ребёнком.

— Мама, можно мне разрезать эту картинку?

Мать, думая о своём и не слушая малыша, машинально ответила: «Да, конечно».

Ребёнок достал ножницы.

Одна из многочисленных копий человеческих существ навсегда исчезла с лица земли.

* * *

Минута как вечность,
Свобода как миг.
Твой шаг — бесконечность,
А флаг — твой язык.

Жить в равенстве, братстве...
Возможно ль оно?
Рука не поднялась
Поставить равно.

Мир грёз

Сны — это только на время могила,
Что укрывает от жизни тревог.
Сводит с ума её тайная сила,
Дивный покой, тишина, сладкий рок.

Жить ради грёз?.. Нет, лучше жить в грёзах.
В сны навсегда разум свой окунуть.
Дальше, поверьте, страдать, как в занозах,
Невыносимо... придётся уснуть.

Мой последний выбор

На улице светило летнее вечернее солнце. Толпы людей оживляли городскую площадь. Вокруг сверкали витрины магазинов, огни светофоров и фары машин. Я стояла на остановке. Через пять минут подошёл трамвай, я вошла в него.

Это был трудный, даже рискованный выбор. Говорили, что неизвестно кольцо этого трамвая и никто не знает, куда он идёт. Кроме того, он останавливается на безлюдных остановках.

Но я всё равно села в трамвай и стала смотреть в окно. Всё было как обычно — дома, улицы, люди. Но я старалась ничего не упустить из виду, поэтому разглядывала очень пристально. Всякий незнакомый человек, мельком взглянув на меня, мог подумать, что я вообще первый раз нахожусь в городе или первый раз еду в трамвае. Но это было не так. Я хотела запомнить как можно больше именно потому, что всё могло обернуться последним разом. Когда я всё-таки отвлеклась и повернула голову, то увидела контролёра, что-то мне говорившего. Чёрная надпись «КОНТРОЛЁР» испугала меня. Я хотела достать деньги, чтобы заплатить за билет, но контролёр сказал: «Девочка, в этом трамвае нет билетов. Мы контролируем самих людей».

Я ощутила одновременно страх от несвободы и небольшое облегчение, что не надо платить. Я посмотрела вокруг. Узкие стены. Низкий потолок. Почему-то раньше я и не подумала, что в этом трамвае, кроме меня, есть ещё люди — так безжизненны, неподвижны и незаметны они были для меня. Словно туман повсюду — не видишь то, что перед глазами.

Я снова стала смотреть в окно. Дома мелькали один за другим, но вдруг я увидела нечто белое и необыкновенно выделяющееся — да, это был театр, большое красивое здание с белыми колоннами, сияющее ослепительным величием. И мне так захотелось очутиться рядом с этим зданием, почувствовать его атмосферу великолепия! Может, я его больше не увижу?

Трамвай остановился, я выскочила из него и побежала к театру. Какое приятное волнение охватило меня! Глядя на бесконечно высокие колонны, я чувствовала недостижимую вершину счастья, взгляд мой поднимался всё выше, стремясь к этому небесному блаженству.

Но что-то прервало меня. Внутри себя я почувствовала несвободу и то, что мне уже пора идти. Рядом с театром я увидела знакомых подруг и поздоровалась с ними. Они не переставая о чём-то болтали, размахивали руками. Видимо, кто-то рассказывал забавный анекдот, потому что через несколько секунд они все весело засмеялись. Я с трудом улыбнулась, анекдот меня не рассмешил. Я попрощалась с подругами и побежала к остановке.

Оказавшись там, я была удивлена — трамвай как будто не уезжал, а ждал моего возвращения. Не хотел потерять свою добычу. Двери раскрылись, и я снова села в трамвай.

Улицы казались уже серыми и заброшенными, домов было всё меньше и меньше, вокруг становилось темнее и страшнее. Из-за нарастающего волнения я больше не могла сидеть на месте. Встав и пройдя к кабине водителя, я замерла в крайнем изумлении — там было пусто. На мониторе мигала единственная красная надпись: «Кнопка СТОП вышла из строя». Повеяло холодом. Внезапно трамвай толкнуло — сердце моё ёкнуло. Я вдруг поняла — это был мой последний выбор. Вдали приближалась чёрная-чёрная глубокая пропасть, рельсы кончались. Я тихо вскрикнула. Ещё секунда, и трамвай уже полетел с обрыва...

Море цветов

Море цветов. Не хватает дыханья.
Не захлебнуться бы, не утонуть.
Волны цветных лепестков в дали манят,
Пчёлы, как чайки, летают вокруг.

Но жизнь не вечна... и буря нагрянет!
Позже молчанье на смену придёт.
Умерло море, цветы слились с грязью,
Память и слёзы остались ещё...

На дальнем берегу

На дальнем берегу,
Пустынном и глухом,
Где замерло, уснуло море.
В заброшенном краю
Тускнеет свет лучей.
Ты думаешь о тяжком горе.

Унылая трава,
Завядшие цветы,
И кончики ветвей застыли.
И молча ты грустишь,
А сладкие мечты,
Наверно, здесь когда-то были.

На дальнем берегу
На золотом песке,
Где солнце отражает лето.
Ты смотришь на игру
Оранжевых лучей
И слушаешь дыханье ветра.

К тебе плывёт волна,
И манит горизонт,
И весело кивают листья.
Как берег золотист,
Прекрасен и широк,
И пусть поют об этом птицы.

Дальний берег — сколько в нём загадок!
Плач дождя, рассвет и солнца радость!
Пусть бывает ярким и безликим,
Дальний берег кажется мне близким.

Небытие

Радио постоянно затухало, поэтому приходилось время от времени повышать громкость. Слова песен я не воспринимала, так как была в полусонном состоянии и кое-как боролась со сном. Когда указатель громкости достиг пика, а звук был еле слышен, ударила по мне, что я провалилась в небытие...

Какая-то знакомая комната... И атмосфера тоже знакомая... Но это не вызвало у меня радости. Он, гордый и эгоистичный молодой человек, сидел передо мной с умным видом и читал отрывки из какой-то книги на компьютерную тему. Довольно смело он сказал: «Ты живёшь неправильной жизнью, и то, что ты презираешь мою жизнь, никак не оправдано». Чья жизнь? О чём это? Я вспомнила, что хотела сообщить ему какие-то новости, но заметила неподалёку подругу. Окликнула её. Поделившись впечатлениями о нелёгкой жизни, мы простились. «Ты чего-то бледная сегодня, тебе отоспаться надо!» — крикнула мне вслед подруга. Но я же сплю! Или ещё нет?

Уютно устроившись на диване, я уснула. Даже не видела, что через некоторое время он лёг рядом со мной.

Проснувшись, я услышала радио и поняла, что могу ясно воспринимать слова и петь. Неожиданно для себя я так и сделала. Комната наполнилась моим голосом: «А у тебя СПИД, и, значит, мы умрём». Радио становилось всё громче, а мой голос превратился в оперный. Случайно увидев его на диване, я остолбенела. Что это за песенки? Прибежала подруга. Я ей, мол, так и так. Она меня успокаивает. После долгих шатаний по больницам, мучений и ожиданий был подведён окончательный итог — СПИД НЕ ОБНАРУЖЕН. Повезло же молодому человеку (понятно, какому). Он ещё не проснулся. Но мне надо ехать. Или я неправильно выразилась? Конечно, слово «надо» мне никто не диктовал, лучше написать «хочу» и «могу».

Знакомая трамвайная остановка — тысячу раз здесь была, но в трамвай именно по этому маршруту не садилась. Когда вхожу в трамвай, он вдруг превращается в поезд и едет по никому не известному маршруту вообще. Я молча смотрю в окно. На одной из остановок увидела знакомых подруг. Вышла из «поезда-трема». «Как дела?» — спрашиваю. Отвечают, что всё нормально, по-прежнему. Стандартный ответ. Рядом мамаша поздравляет своего сына с днём варенья. Хоть бы улыбнулся этот блондин, что ли. Стоит, как рыба. Смотрит вдаль. Я стараюсь думать о своём, но невольно слушаю поздравления мамашы. Она желает своему сыну доброго пути, успешных поисков, больших результатов в композиторской деятельности. Я не ослышалась? Я забыла сказать, что сама давно мечтаю стать композитором, поэтому пожелания от чужих уст, да ещё и не мне, выглядели ущемлённо. Блондин в серой куртке со строгим взглядом мне определённо не нравился. Слова мамашы казались уже нелепыми и бессмысленными, не потому, что их смысл был таков, а потому, что это просто слова. А если мамаша под результатом деятельности имела в виду «А у тебя СПИД...»?

Я не знала, куда деть свои глаза, поэтому посмотрела вдаль. И меня словно осенило — я поняла, что вижу то же, что и блондин. Пусть мы совершенно не знакомые люди и даже не приглянулись друг другу, но цель в

своей жизни мы видим одну, нас объединяет Будущее. Я стою рядом с ним, на одной дороге, но я ведь могу быстрее добраться до цели! Я могу услышать ругать и возмущение, крики: «Куда убежала?», но я не буду стоять на одном месте и развешивать уши на бесконечные поздравления мамыши. Так можно провалиться ещё глубже... И поспешила сесть на поезд и уехала.

Похоже, радио снова заиграло. Что сейчас? Зима? Лето? День? Ночь? Не важно. Главное — Творчество. Зачем кого-то презирать, не веря в его преобразование? И я подумала, как я окунусь в творчество и смогу понять таких же фанатов. Подруга, естественно, первая услышит мои сочинения. Радио затихло, потому что оно не в силах противостоять энергии той музыки, которая рождается в моей душе...

* * *

Не знаю я того, что в жизни нет.
А хочется открыть такое чудо.
Есть то, чего не видел человек.
Есть то, чего он в жизни не придумал.

О том не знают книги и газеты,
И самые далёкие края.
О том не знают люди всей планеты.
И также ничего не знаю я.

Но, может, год пройдёт, а может — век.
И в будущем увижу это чудо.
Не знаю я того, что в жизни нет.
Но верю, что оно когда-то будет.

Нераскрытая тайна

Я устала быть тихим, забытым цветком,
Нераскрытым и спрятавшим листья.
Я устала просить людей взглядом о том,
Чтоб они помогли мне раскрыться.

Я сгибаюсь стальной от холодных сердец,
Погибаю. И в этом отрада?
Кто сказал мне, что выход один есть — конец,
Что цветения больше не надо?

Но мне эти сужденья настолько близки,
Что пропали другие желанья.
Может, кто-то придёт, но мои лепестки
Навсегда — нераскрытая тайна.

Ностальгия

Не осталось ничего,
Хотя что-то и осталось...
Не осталось никого,
Хотя ещё совсем не старость.

Нет сил писать слова,
Ведь то не выразишь словами!
И говоря себе *судьба*,
Я развожу руками...

Они

Они говорят — глазами,
Они говорят — слезами,
Они говорят молчаньем, без слов.
Люди, потерявшие кров...

Ослеплённые

Трава блестела утренней росой,
И птицы пели у родных берёз.
Всех солнце этой сказочной весной
Надолго ослепило и всерьёз.

Развалина вдруг кажется шедевром,
Из пустоты возникнет красота.
Стук, топот, шум — вот музыка, наверно.
В грязи, дорожной пыли — чистота.

Никто не разглядит под ярким солнцем
Пустынность и бездушие в сердцах.
Ненужные, не стоят и червонца,
Убитой горем, слёзы на глазах...

Песня ветра

Море спокойно. Спят облака.
Волны качают лодку слегка.
И звёзды сверкают
В ночи свысока.

Ветер чуть слышно песню шептал.
Дальше и дальше лодку он гнал.
И песней в просторы
Широкие звал.

В дальнее плаванье ветер зовёт,
Звонче и звонче песню поёт.
Мечты оживают,
Корабль плывёт.

Я с восхищеньем в море смотрю.
Себя капитаном чувствую вдруг.
И с ветром на море
Я песню пою!

Какое море!
Какое небо!
Какие тайны
Тебя здесь ждут!
Вокруг просторно!
Послушай ветер
И крики чаек,
Зовущих в путь!

Поиски идеала

Я видела осень,
Когда был январь.
Я видела солнце
Ночное — фонарь.

Я думала, песня —
Лишь клавиш пассаж.
Я думала — счастье,
Оказалось — мираж.

И поиски идеала
Разбивались о жизнь!
Где был конец, а где начало...
Всё спуталось в узлы.

Я слышала правду,
А видела ложь.
Я думала — завтра
Закончится дождь.

Я думала, лето —
Лишь ветра порыв.
Я ждала спасенья,
Оказалось — обрыв.

Весна растопила
Следы на снегу.
Я в поисках следа
Уже не бегу.

Я знала: безгрешный
В мечтах идеал
В реальности жизни,
Как снег, погибал.

Поспеши

Разлука. Осень. Сыплется листва.
Уходит время, словно в никуда.
Она страдала от упреждающих дней,
Он, как безумец, хохотал над ней.

В глазах играла бешеная страсть,
В тупой улыбке исказилась пасть,
В прыщах и дыме жёлтое лицо,
Упало в лужу ржавое кольцо.

Она бежит, он рявкнет: «Поспеши!»
Плюёт ей вслед, смеясь от всей души.
Она бежит, споткнулась, плакать грех,
И вторит эхо этот зверский смех.

Смерть в облике принца

Только что я поняла, кто ты. Ты — СМЕРТЬ! Серая поганая участь, которая мучает меня каждый день, каждый час, каждый миг... Что ещё принести тебе в жертву? Ещё кусочек моего времени и моей души? Кусочек сахара? Шоколада? Поправь воротник своего гордого молчания. Твоя длинная пауза объясняется огромным запасом матерных слов, которые ты перебираешь про себя. Про СЕБЯ! А не про кого-то ещё. Я ухожу. Я ухожу! Ты этого не понимаешь? В интернет. Навсегда.

Он всё ещё находился в поле её воображения, и все попытки отослать этот романтический образ к чёрту не приводили к успеху.

«Переваривать всё это — дело кастрюли на плите. А я, скорее, его изжарю», — думала она вполшёпота.

СТОП. Зелёный свет. Пусть идут дураки. Жёлтый. Красный. Вперёд!

Люди заводятся и разводятся. Приходят и уходят. Клычут и плюют. Верят и не проверяют. Звери...

Кажется, я вижу, кем был тот или иной человек до рождения. Вон та толстая женщина, беспрерывно кудахтающая — чем не курица? Её щипают, а перьев не отбавляется. Или этот маленький худющий старикашка с торчащими костями — вылитый паук, несущий в своей паутине-авоське очередную муху. Конечно, это всего лишь хлеб и молоко, но пофантазировать можно.

Принц произошёл от земноводных. Не знаю, от кого точно, это нечто скользкое и слизистое, возможно, из болота. Сказка про царевну-лягушку в данном случае не подходит. Надо поискать в энциклопедии...

Голова не похожа на энциклопедию. Это скорее бочка с промокшим порохом, горшок с песком без единого листика или цветочка, проверенное средство бить стены, перевёрнутый потолок, заевшая кассета, твердящая фразу: «Он тебе не нужен», — фальшивая иномарка, подделанная подпись, квартира во время ремонта, праздничная скатерть в подвале, смерть...

«Вечный двигатель прогресса» — так назвал ты свои ноги. Они в состоянии пройти десятки километров, но неспособны поднять меня... и перенести в ад. Я всего лишь стул в твоей комнате. Если я сделаю вид, что порчусь (буду падать, покрашусь цветом гнилого дерева, испорчу себе одежду), ты выкинешь меня. Я тебе не нужен. Не нужна... А сейчас ты пользуешься мной. Пользуешься! Чистишь об меня свои ботинки, выдавливаешь из меня зубную пасту, съешь меня в компьютер и берёшь программы. Оглянись вокруг — видишь, сколько МЕНЯ в твоём доме. Всё, что я тебе отдала. Чувствуешь, что в твоих стенах живёт моя вибрация? Ты добьёшься своего. Добьёшься, что возьмёшь меня всю, и я буду жить со Смертью... Жить или умирать? Реально или виртуально?

Дома на улице сцепились, как кошки с собаками. Огромный десятиэтажный особняк смеётся над дырявым сараем. Я делаю вид, что не замечаю несправедливости. Я — вид...

«Идите на фиг, гражданка», — вспомнилось мне модное выражение.

— Пошла в ж..., красота, — окликнула меня Смерть. В привычном репертуаре.

На своём пальце я обнаружила твою болячку. Почему я должна страдать за тебя и переносить твои болезни? Я была совершенно здоровая. Сгинь, серая смерть, уйди от меня. Почему я всё время о тебе думаю?

Ночь наступает... войска фонарей окружили город. Зачем меня освещать и записывать в секретный передатчик все подробности?

Стекланные лбы, крепко сжатые ноги. А ну, на дыбы! Поднимайтесь и знайте, вы — БОГИ.

Я читаю свои записи на стенах домов, в прокуренных подъездах, в туалете на дне унитаза. Это не я написала, это фразы жизни, лежащей в реанимации.

Я вижу человека... двух, трёх, группу людей, ещё группу, толпу, множество толп, массу народа! Мои глаза чуть не вывалились от перенапряжения. Но на самом деле вокруг было пусто — муравейник застыл в ожидании шторма. Шторм — карнавал для природы. Но... карнавала не будет. Карнавала нет! Есть лишь песня о нём.

Чтобы сделать что-либо, нужен повод. Внутренний или внешний. Видимый или невидимый. Настоящий или выдуманный.

Я очутилась на середине площади. Камешек к камешку плотно придвинуты, если не считать отдельных дыр. Если не считать меня.

Что заставило меня вспылить и войти в дикую ярость? Пустота. Монотонность, занудливость и бессмысленность слов. Постепенно площадь превращалась в огненную печь. Яркий огонь ослепил муравьёв и одновременно затянул их в свои огненные сети. Чего же ты не идёшь, Смерть?

Принц стоял чуть поодаль.

— Откуда такой большой огонь? — спросил Принца маленький мальчик.

— Вероятно, здесь жгут ненужную рухлядь. А погреться приятно.

Он всегда найдёт, как использовать меня в своих целях... Всегда!..

Внезапно огонь исчез, и на окружающих осыпалась чёрная зола. Видя чёрного Принца, у которого не руки, а сплошные отпечатки, мне стало смешно. Поменял расу! А мне ещё пол предлагал менять. С паркетного на земляной... Легче поменять мозги. А я ещё грела эту грудку Антарктиды...

— Как вы думаете, откуда взялся огонь? — допытывались журналисты.

— Из души. Так и запишите.

Они отложили блокноты. Ручки сдохли... На лицах журналистов написано всё: «Для газеты не подходит... ненаучно... абсурдно... она не в своём уме... пахнет сектой»... И дальше — ничего. Ничего, кроме молчания и матерных слов. Кроме криков и разбитых бутылок.

Шторм начался...

Меня сбил с ног и затоптал сумасшедший прохожий, мчавшийся за ображаемой рюмкой водки. Ему достались только подзатыльники от собутыльников.

Я чувствую, что не могу подняться — кровь крепко смочила меня с асфальтом.

— Вас повезти в больницу на мерседесе или на запорожце?

— На том, что ездит.

— В том-то и дело, что всё в ремонте. Вы уж сами... на своих двоих... (он уже пожалел о своей шутке)

Ах, дебильный «вечный двигатель прогресса». Чтоб ты провалился в яму... и чтоб тебя не вытащили...

Зомби проходили мимо. Пьяные идиоты — проползали... Один даже перепутал мою кровь с красным вином и стал пить... меня потянуло в смерть...

Какой повод нужен, чтобы умереть? Из-за золота, из-за серебра? Никогда. Лучше умереть честно — из-за собственной глупости.

— Приходи. И побыстрее, — советовала мне Смерть.

Очнулась я на полпути в морг.

— Тащи её, тащи. Не обращай внимания на кровь, — говорил один моргработник (или мордработник) другому.

— Понял.

Я вскрикнула. Резкая остановка. Молчание. Удивление. Что делать?

— Ай, всё равно умрёт по дороге. Врач сказал «в морг», значит, в морг.

— Это тебе не анекдоты. Это — жизнь.

Я опять вскрикнула. Наконец-то меня потащили обратно... Новая врач осмотрела меня более внимательно и сказала, что я буду жить.

— Как она может жить, если вытекло столько крови?? — удивлённо спрашивают моргработники.

— Может. И будет, — повторила врач. И тихо, на ухо: — Больше половины крови на её теле — чужая кровь.

Я лежала с полужакрытыми глазами. Кажется, я опять теряю сознание...

При столкновении стрелок на часах произошёл взрыв... Стрелки указывали на стёртый циферблат... в никуда... Я попрошу выйти на несколько секунд. Всех, всех. Я должна сосредоточиться. Я должна проникнуть в невидимое поле и найти Настоящего Принца. Я должна... Я... (удар по голове) уже ничего не должна... не могу... ничего...

«Как аукнется, так и отвыкнется». Я уже отвыкла от всего...

Меня снова отнесли в морг. Вот дураки. С трупами и то приятней общаться.

— Как ваша смерть? В порядке ли кости?

— В порядке, в порядке.

— Я хочу вернуться обратно.

— Не вернёшься... Обратного пути нет...
— Да... Не вернусь...
— Это откуда ты не вернёшься? — с улыбкой спрашивала врач.
— Из морга... так сказали трупы...
— Дурочка, — врач смеялась.
— Как здоровье пациентки? — в палату вошёл Принц.
— Бредит... а так ничего, всё идёт к улучшению.
— Зачем ты пришла, Смерть? Отвали... уйди... не мучай меня...
— Не обращайтесь внимания, э...
— Макс. Просто Макс.
— Хорошо, Макс. Она не в себе. Вы понимаете...
— Я всё понимаю. (Про себя: «Выздоровливай поскорее. Ты должна мне 100 дискет, 100 конфет и 100 поцелуев.)
— Я ничего не должна... ничего... Уведите, уберите смерть...
— Я зайду через неделку. Надеюсь, она поправится. Спи, моя крошка.
— Подавись своей крошкой...
— Она явно не в себе, — Принц развёл руками. Ушёл.
Серая поганая участь меня миновала. Не верится... не верится... Я... буду... жить!!!

В мгновение ока я открыла глаза, вскочила и собралась по привычке накинуть платье и побежать навстречу свежему ветру... но...

— Ты чего всполошилась? — услышала я голос медсестры. — Спи. Тебе нельзя дёргаться.

Нельзя... лзя... бзя... язык сломан... Положите меня под кровать. Там будет уютнее. Я мотаю на ус очередную плёнку. Без кадров...

Я чувствую себя сумасшедшим брильянтом. Только представьте, я — сумасшедший брильянт. И меня не купить! Я прыгну в океан...

Смерть оставила свой череп на подоконнике, думая, что мне это понравится... Иди куда подальше, крысота...

На улице мокрый противный дождь. Свадьба и похороны одновременно. Или это одно и то же?

Меня вылечили... точнее, выкинули... как надоел им мой бред! Как надоела им я! Надо — ела их завтраки, обеды и ужины, их одежду, мысли, мозги... Всё... Я молчу о всевозможных болячках на моём теле... и на моей душе. А Смерть, смотрю, взбодрилась, даже новый галстук купила. Репутация Принца нуждается в новых шмотках...

Дождь не кончается... Меня грызут мыши — мысли и сомнения. Куда... идти... Сегодня к тому же конец света — вырубili за неуплату. Я не сплю и не бодрствую. Не говорю и не думаю. Не пишу и не читаю. Не слышу и не слушаю. Не живу и не умираю. Я — сумасшедший брильянт.

Вокзал оказался пуст. Этого я и ожидала. Войдя в тёмное грязное помещение, я нашла оставленные у кассы билеты.

Время — 00:00.

Платформа — 0.

Отправление — В СМЕРТЬ.

Сию секунду билеты оказались среди пустых бутылок, шкурок бананов, обёрток от конфет и прочего мусора. Я ничего не слышала. Не видела. Не знала. Я — всего лишь ничего...

«Лежачего не бьют, в лежачего плюют», — Известный Автор.

Прямо как закон... жизни... Но ко всем законам необходимы поправки... Поправь-ка меня, незаконно просящую твоего внимания... Я только прошу — не требую...

— А я — приказываю, — прозвучал голос Смерти.

— Я не с тобой разговариваю... а с читателем...

На следующий день я была необыкновенно спокойна. Тихо, вымеренно, как часы, стучали капли дождя за окном. Они совпадали с моими шагами. С дыханием. С мыслями. С жизнью.

В куче неряшливо сложенных на столе книжек и тетрадок я нашла старую запись:

«К тебе, к тебе...

Зачем ты позвонил? Чтобы объяснить мне, какая я дура и... Твои сравнения и скоростные выводы — сплошные глупости. Ты часто делаешь выводы из пустоты. И я, получается, не смею тебе противоречить, потому что ты самый умный... Хватит с меня всяких пыток и необоснованных обвинений! Изверг!»

Молчи! Мир не создан для того, чтобы говорить о нём, оправдываясь перед собой...

Как можно зажечь скандал на сырых досках? Если не осталось никаких чувств, а открытый рот — реклама зубов? Если вся сила дыхания уходит в трубу, а вместо тела одни кости?

Я положила записку обратно. Я не испытывала какого-либо прилива злости или ненависти, страдания или слёз. Всё, что я чувствовала в этот момент — опустошённость. Бледные лучи солнца придавали комнате больничный оттенок. Щели на полу вызывали грусть. Когда-нибудь эта постройка рухнет...

Гнаться за призраком, дабы узнать, из чего он сделан...

Воспоминания поют гимном крови. Чужие раны воспринимаются как свои. Доброта высосана жалким вампиром. Из меня выжали все соки! Ты ещё не выбросил старую мочалку? Почему ты ещё не сделал этого? Потому что в неё можно напихать мыла? Она вымоет тебя своей грязью. Смотри на все вещи с ужасом и не удивляйся взрыву смеха. Я краном склоняю перед тобой голову. Ты требуешь воды. Капля — мало. Две капли — ещё меньше. Я тебя утоплю. Брошу цветочки прямо в ванну. Надпись на трубе: «Дышите, дышите и ещё раз дышите. Ржавая труба — райское наслаждение для мазохистов».

Пощёчины — великолепное средство против сна. Сна, в котором ты лежишь на полянке и слушаешь пение птичек. Журчание ручья. Шум морского прибоя. Свист самолётов. Работу тракторов. Писки мобильных и сигнализации. Крики больных. Хрипы умирающих. Спокойной ночи, малыш.

Я не кричу, не пою, не говорю, не шепчу, не молчу — я только передаю вибрации. По назначенью. В нижестоящую инстанцию. Станцию высасывания последней жизненной энергии.

Что я сейчас делаю? Я танцую. Не веришь? Залезь камерой в окно. Я танцую.

Смысла нет. Вымысла нет. Только движение.

*Ты не спрячешься от разбитого сердца,
Боль не заглушишь пальбою пушек,
Скоро опомнишься, встав на колени.
Тебе не хватает второй подушки...*

*И будешь скучать и вздыхать одиноко,
И сил не прибавится в «службе Отчизне».
Кого же... кого провожать до порога?
И брать у кого энергию жизни?*

Танец в разгаре. Дискотека — лучше не бывает. Я пью кока-колу. Не хочу думать ни о чём другом — в голове, что называется, замкнуло.

Разобью для кайфа чью-нибудь пустую бутылку. Блеск осколков меня воодушевляет. Забавляет. Радует. Только завтра я пойму, что разбила вазу на своём столе...

Куда... куда деваться? В интернет? Стрелки с указанием магазинов ничего виртуального не скажут. Фонарь освещает меня слишком старательно, но мне не важно, что он обо мне думает и чем он думает... Меня больше пугают люди среднего пола, которые давно утратили признаки мужчин или женщин. Даже не знаешь, как к ним обращаться...

В интернет так в интернет. Работающий в компьютерном зале был как раз среднего пола. Но скоро он перестал меня интересовать — я ушла в виртуальный мир... Полностью...

Я забыла обо всём — о бывших проблемах, о болезни, о преследовавшей меня Смерти, о лабиринте жизни, из которого нет выхода, кроме той же печальной участи... Сайты, чаты, графика, анимация, сплошная информация — вот моя новая жизнь. Теперь сладко и хорошо... Завис компьютер? Подумаешь, перезагружу, и всё будет нормально.

Кто-то тронул меня за плечо.

— Я пришёл за тобой, — сказал Принц.

— Пойдём, — сказала я виртуальному другу в чате, всё ещё не понимая, что мир перешёл в другую плоскость.

«Он тебе не нужен, он тебе не нужен», — крутилась старая кассета. Не помогало.

Только оказавшись на улице, я осознала происходящее, но было очень поздно...

Двери в его квартиру открылись с математической точностью ключей. Коридор напоминал дорогу в морг. Я вспомнила слова трупов: «Не вернёшься... Обратного пути нет...» Я так и не нашла Настоящего Принца... Я чувствовала себя разбитой до последнего стёклышка, выдохшейся и измученной мошкой, которую съест змея... Сжав в комок остатки сил, я выкрикнула:

— Ты добился своего! Добился! Бери, забирай меня всю — до последней реснички. Ешь! Наслаждайся! Подавись!

— Успокойся, дурочка, — Принц не спеша разделся, — сейчас будет конец света. Ты только не нервничай...

Последнее, что я увидела, были его голые антарктические костяшки...
Смерть... в облике Смерти...

Смерть-тоска

Снег у тебя на глазах превращается в дождь,
Пыль у тебя на глазах превращается в грязь.
Солнце ушло — и вдруг тучи, день кончился — ночь.
И ничто изменить нельзя.

Ветер внезапно подул и внезапно исчез,
Листья опали, и умер последний цветок.
Где-то вдали ожидает Чудовище-Смерть.
Не ищи утешенья строк!

Стук неживого дождя превращается в боль,
Слёзы обиды, застыв, превращаются в снег.
Снег у тебя на глазах превращается в дождь.
Круг замкнулся. Спасенья нет.

Кто-то внезапно толкнул и тебя оскорбил,
Матом, как бритвою, резали душу слова.
Где-то Чудовище-Смерть ожидает вдали.
И момент лишь осталось поймать...

Спасенье

Жизнь течёт под обломками скользких камней
Сквозь бесчисленные преграды.
Сила, воля, энергия в ней!
Но спасёт ли она слабых?

Снова в чьих-то глазах отразился испуг.
Добежит ли ручей? Свет иль темень?
Но застывшие льдины увидел он вдруг!
Так и пал, не дождавшись спасенья...

Стремление к жизни

Я смотрю вдоль дорог
Сквозь осенние листья.
Если путь мой далёк,
То стремление к жизни

Выше гор и небес,
Выше клёнов и сосен,
Выше всяких преград!
Что ж ты плачешь так, очень?!

Будто всё — пустота...
Ведь живые есть лица.
И стремлюсь я туда
Сквозь осенние листья.

Чаша

Ты чашкой чая наслаждался
В морозный, свежий, зимний день.
Волшебным чувством упивался,
Пылал, как тысячи огней.

Но что-то чёрное внутри
Вдруг оттолкнуло тебя, и,
Бледнея в страхе суеверном,
Ты возвратился к мыслям скверным.

О Рок, о сила, глубина,
Власть вечной тени победила,
И чашу ты испил до дна.
То дно безжизненной могилы.

Морозный, свежий, зимний день,
И солнца лучики сверкают.
Стояла чаша на столе,
Как камень — яд она сжимает.

Чужой город

Как жизнь неумолима.
Решать настанет час.
И надо б сделать выбор,
Но выбрали за вас.

Преступный старый город,
Внезапный зверский смех
И леденящий холод...
Друзей отняли всех.

Ищу знакомых лица.
Вдруг взрыв эмоций, стон!
Я вижу или снится
Тот облик... Нет, не он!

Мне только показалось,
Пыталась обмануть
Себя... и не осталось
Надежды всё вернуть.

Проходит день в печали,
Лишь в прошлом светлый луч.
Брожу одна, мечтаю.
Вдруг долгий поцелуй.

Как сладко и как ново,
Мечта сбылась! Не сон.
Объятья. Но как больно.
Ах, это же... не он!

Рывком маньяка руки
Бросаю и бегу.
Ах, видеть город жуткий
Я больше не могу.

Это лучше

Ты встаёшь, тебя разбудил свет лучей.
Ты поёшь, снова грусть, печаль на лице.
Тот же день, что и был много лет.
Только, может, лучше этого нет.

Это лучше, чем проспять целый день
Или больше не проснуться совсем.
Это лучше, чем холодная тьма.
Яркий свет и родные дома.

Ты идёшь, тебя гонят стрелок часы.
Ты не ждёшь, что замедлят вдруг ход они.
Тот же ритм, что и был много лет.
Только, может, лучше этого нет.

Это лучше, чем застрять в полпути
Или шагу до конца не дойти.
Это лучше, чем застывшая тьма.
Вечный ритм и родные дома.

Ты зовёшь, увидел знакомых друзей.
Их ведёшь за собой прямо до дверей.
Тот же двор, что и был много лет.
Только, может, лучше этого нет.

Это лучше, чем чужая земля
Или друга потерять навсегда.
Это лучше, чем врагов видеть тьму.
Старый двор, там не быть одному.

Ты живёшь в этом мире, родился, как все.
Ты лишь часть, но какая — выбирать тебе.
Та же жизнь, что была много лет.
Только, может, лучше этого нет.

Это лучше, чем случайная смерть.
Или в жизни не родиться на свет.
Это лучше, чем загробная тьма.
Видеть жизнь и родные дома.

Я — звезда

Мне приснился очень странный
Как-то сон.
Я на небе. Облака
Со всех сторон.

Я светила ярким
Пламенем тогда.
И сквозь сон сказала:
«Оля, ты звезда!»

Я сверкаю, в небе ясно,
Словно днём.
Вспоминаю вдруг, что это
Только сон.

Я светила и исчезла
Без следа.
Это чудо не забуду
Никогда.

Я так хочу

Я так хочу быть радостной,
Чтоб не заплакать вновь.
За всё хвататься с жадностью,
Не потерять любовь.

Не думать, долго ль, скоро ли
Смогу беду забыть.
И в планах жить, которые
Нельзя осуществить.

Не замечаю слабости
И от тоски молчу.
И не могу признаться, что
Повеситься хочу.